

К 110-летию со дня рождения В. И. Ленина

УДК 100.0

П. С. КАРАКО

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ О СВЯЗИ ФИЛОСОФИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ИХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В теоретическом наследии В. И. Ленина вопросы естествознания занимают значительное место. Во многих работах Владимир Ильич неоднократно обращается к достижениям естественных наук, показывает их роль в борьбе материализма и идеализма, в формировании научной картины мира. Изучение философского наследия В. И. Ленина важно не только для понимания истории развития естествознания, но и его сегодняшних проблем. Особую актуальность приобретает анализ ленинских положений о взаимосвязи философии и естествознания.

В. И. Ленин указывал на необходимость глубоко и научно вскрывать мировоззренческое содержание естественных наук, их значение для развития философии и других общественных наук. «Могущественный ток к обществуведению от естествознания шел, как известно, не только в эпоху Петти, но и в эпоху Маркса», — писал В. И. Ленин. Это воздействие естественных наук на общественные и, прежде всего, на философию «...не менее, если не более, могущественным осталось», отмечал далее В. И. Ленин, — и в XX веке»¹.

Важнейшие методологические выводы В. И. Ленин сделал на основе анализа революции, которая началась в естествознании на рубеже XIX—XX веков. Смысл ленинских выводов заключается в акцентировании внимания на гносеологической проблематике как специфической форме отношения диалектического материализма к наукам о природе. В. И. Ленин отмечал, что в сферу его анализа не входят «специальные учения» естествоиспытателей. «Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий. Эти гносеологические выводы до такой степени напрашиваются сами собой, что их затрагивают уже многие»² представители естественных наук.

Открытия, сделанные в естествознании на рубеже двух веков, были связаны с установлением сложного строения атома, взаимопревращаемости химических элементов, единой природы света и электрона, взаимосвязи химических и электрических процессов и т. д. Эти открытия лежали на границе физической и химической областей научного познания. Вот почему их гносеологическая интерпретация в одинаковой мере приложима и к физике, и к химии, а также в полной мере и к биологии, так как определенные гносеологические выводы в этой науке делались в связи со становлением идей о материальности носителя наследственных свойств живого и его дискретной структуре, появлением новых направлений биологического исследования. Все это знаменовало переход физики, химии и биологии на новые, более глубокие уровни исследования неживой и живой природы и создавало революционную ситуацию в естествознании.

Успехи естественных наук в познании новых свойств материальных объектов и их глубинных структурных уровней организации обусловили и то, что на рубеже веков из этих открытий некоторые крупные естествоиспытатели сделали реакционные гносеологические выводы. «Реакционные поползновения, — указывал В. И. Ленин, — порождаются самим прогрессом науки»³. В физике, химии, биологии такие «поползновения» были связаны с отрицанием материальности открытых этими науками ранее неизвестных свойств неживого и живого. Так, В. И. Ленин называл известного естествоиспытателя Оствальда крупным химиком и мелким философом за попытку использовать понятие энергии для замены понятия материи. «Энергетическая физика, — писал В. И. Ленин, — есть источник новых идеалистических попыток мыслить движение без материи — по случаю разложения считавшихся дотоле неразложимыми частиц материи и открытия дотоле невиданных форм материального движения»⁴.

Крайне реакционные выводы делались из революционных открытий в биологии. Те ученые, которые стремились связать явления наследственности с клеточными структурами, подвергались нападкам со стороны идеалистически мыслящих биологов. Так, А. Вагнер пытался обвинить видного дарвиниста А. Вейсмана в «недостатке гносеологического воспитания». Этот «недостаток» А. Вейсмана он видел в том, что представления А. Вейсмана на природу наследственности ведут к «дальнейшему развитию и без того достаточно сомнительной атомистической гипотезы»⁵. Видный биолог и философ К. Пирсон утверждал, что стремление А. Вейсмана связать наследственность со структурами «определенного химического и материального строения» ведет к «метафизике» (т. е. материализму — П. К.), а потому и «лишены всякого содержания»⁶.

Наследственность К. Пирсон определял как способность материнских организмов передавать своим потомкам чувственные впечатления. Задача опыта и состоит, по Пирсону, в том, чтобы описать эти впечатления. Идеалистически трактуя понятие «опыт», Пирсон и в биологии, как Оствальд в химии и физике, пытался насаждать «чистый субъективный идеализм». В. И. Ленин, ознакомившись с работами Оствальда «Лекции по натурфилософии» и Пирсона «Грамматика науки», где изложены их философские воззрения, сделал вывод об их реакционности и непримиримости с материализмом и естествознанием⁷.

В. И. Ленин, вскрывая причины идеализма в естествознании, показывает, что реакционные выводы естествоиспытателей связаны и с их метафизическим характером мышления. Используя аргументы из истории химии и биологии, Владимир Ильич дает общую характеристику метафизике в науке: «Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила?»⁸. В. И. Ленин называл такие рассуждения нелепыми. Прогресс в познании этих явлений он видел в том, чтобы изучение фактов исследователь ставил на научную почву.

Революционная ситуация в естествознании на рубеже XIX—XX веков особенно зримо вскрыла ограниченность метафизического подхода к познанию и объяснению открываемых свойств природы. Тем естествоиспытателям, которые не знали другой формы материализма, кроме метафизического, казалось, что в новых условиях познания наступил кризис материализма вообще и материалистическое понимание природы не является более подходящим для естествознания. Наиболее отчетливо такие выводы сделал физиолог М. Ферворн. В. И. Ленин, подробно рассмотрев взгляды Ферворна, отмечает, что для последнего характерно представление о несовместимости материализма с новейшими открытиями в биологии. Причина подобных выводов заключается в том, что их авторы не имеют «никакого понятия о диалектическом материализме» и обнаруживают «полное неумение отличить материализм как *филосо-*

фию — от отдельных, заскорузлых взглядов материалистами называющих себя *обывателей* данного времени»⁹.

Реакционные выводы из успехов физики, химии, биологии были связаны с тем, что в условиях становления революционного характера познания естествоиспытатели не сумели «прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму». Естественные науки, вступив в полосу революционных сдвигов, нуждались в единственно верном методе и единственно верной философии — диалектическом материализме¹⁰. Прогрессивное развитие этих наук В. И. Ленин связывал с диалектическим материализмом. Формой осуществления их связи он считал союз естествознания с диалектическим материализмом, в этом союзе В. И. Ленин видел условие их дальнейшего плодотворного развития, особенно естествознания в период его революционных изменений. В диалектическом материализме «современные естествоиспытатели найдут», по убеждению В. И. Ленина, и «ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды»¹¹. Представляется важным рассмотреть актуальность этих положений В. И. Ленина для некоторых направлений современного естественнонаучного познания.

Необходимость обращения к философским идеям В. И. Ленина для анализа состояния современного естественнонаучного познания вытекает из их глубоко научного характера, тесной связи с естествознанием в его качественно новых условиях развития.

Этот новый период в развитии естествознания В. И. Ленин называл «новой революцией в естествознании». Одной из характерных ее черт было широкое использование методов одних наук к исследованию предмета других, образование на стыке ряда наук междисциплинарных отраслей естествознания. Так, уже в конце XIX века возникли астрофизика, химическая термодинамика, физическая химия, в начале XX века — биохимия, геохимия и другие науки. Становление этих направлений естествознания связано с использованием методов физики, химии в познании Вселенной, биологических процессов, строения и свойств земной коры. Этот процесс является характерным и для современного естествознания.

Именно широкое применение методов физики, химии, математики, кибернетики в биологии привело к возникновению молекулярной биологии. Со становлением этого нового направления биологического познания связана революция, которая происходит в современной биологии. Необходимость использования методов физики, химии, математики все более отчетливо осознается и многими географами, особенно в связи с современным экологическим кризисом. Вместе с тем использование методов одних естественных наук в других поставило перед исследователями ряд гносеологических вопросов, среди которых особую значимость приобрел вопрос о правильной методологии научного поиска, так как некоторые исследователи абсолютизируют методы одних наук в познании предмета исследования других и на этой основе отрицают его качественные особенности. Например, успехи химии и физики в познании строения и свойств живого на его молекулярном уровне организации приводят некоторых ученых к идее о полной сводимости биологических явлений к физико-химическим и потере биологией своего статуса как науки. По их мнению, биология «станет одной из физических наук»¹².

Попытки отрицать качественную специфичность живого, свести его закономерности к физико-химическим ведут к механистическим упрощениям жизненных явлений, являются основой современного механицизма. Недостаточность механицизма, как методологии, осознается самими сторонниками сводимости живого к физико-химическим закономерностям. «Существуют некоторые гносеологические ограничения», присущие физико-химическому мышлению, — утверждает один из видных представителей молекулярной биологии П. Мора. В силу этого недостатка физики

и химии в познании живого «мы должны направить наше мышление в сторону телеологии», которая исходит из признания наличия «некоего внутреннего «стремления»¹³ у молекулярных структур живого. Так, на базе механизма возникают и различные идеалистические концепции сущности жизни, поскольку теоретические выводы из биологического знания в условиях современной научно-технической революции и идейного противоборства двух мировых социальных систем являются ареной острой идеологической борьбы.

Физико-химические методы в исследовании элементарных явлений жизни обнаруживают широкие возможности, но качественная специфичность живого обуславливает все же и пределы их применения, что вытекает из самой гносеологической природы данных методов. Раскрыть их познавательные возможности и границы применения в познании живого, а следовательно, и снять альтернативу сводимости или несводимости живого к физико-химическим закономерностям возможно только с позиций диалектико-материалистической методологии, ибо она учитывает качественную специфику живого, как высшую форму организации и движения материи и вместе с тем указывает на структурную и генетическую связь живого с низшими (физической и химической) формами движения материи.

В этом отношении весьма важны следующие замечания В. И. Ленина. Развивая идеи Ф. Энгельса о соотношении форм движения материи, он указывал на необходимость «...исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям»¹⁴. Таким образом, В. И. Ленин подчеркивает единство живого и неживого, причем это единство обуславливается тем, что живые и неживые объекты включают в себя одни и те же химические элементы. Но между живым и неживым имеются и качественные различия. Их нетождественность, как учит органическая химия, может вытекать из различий в химической структуре живого и неживого и их компонентов. Исследовать это различие — задача химии.

Таким образом, указывая места «стыка» различных естественных наук в познании живого, диалектико-материалистическая методология ориентирует естествознание на познание физико-химических основ биологических явлений. Только такой путь может обеспечить решение той проблемы, которую В. И. Ленин определил как «превращение химического в жизненное»¹⁵, или проблемы происхождения и сущности жизни.

Наиболее рельефно необходимость синтеза различных методов и подходов обнаруживается в естествознании в связи с решением проблемы биосферы. Решение экологической проблемы вызывает принципиально иные воззрения на взаимосвязи компонентов биосферы, взаимодействия человека и окружающей среды, требует перестройки стиля мышления естествоиспытателей. В настоящее время стало очевидным, что экологические проблемы носят комплексный, междисциплинарный характер, и их решение требует творческого взаимодействия многих наук. На каких методологических основаниях видится для некоторых естествоиспытателей эта перестройка научного знания в исследовании экологических проблем?

Так, видный французский химик-органик М. Барбье считает, что выход из современного экологического кризиса может обеспечить только химическая экология. Но для ее утверждения как науки «должно предшествовать преобразование сложившихся стереотипов мышления. Поэтому, если экология хочет быть наукой эффективной, она должна помочь зарождению новой философии»¹⁶. Что представляет собой эта «новая философия»? Ответ на этот вопрос дается самим автором. «Истинное признание философии, — утверждает Барбье, — поиски языка для выраже-

ния мыслей и формулировки проблем... Проблема, сформулированная ясным языком, становится понятной для всех, и потому может воздействовать на общественное сознание. Тем самым увеличиваются шансы ее решения; то, что началось как поиск нужных слов, превращается в движущую силу эволюции»¹⁷. Как видно, ничего нового в «новой» философии Барбье нет. Это старая позитивистская философия.

На методологической основе этой философии пытается наметить потенциальные возможности современной географии в решении экологических проблем и английский географ П. Хаггет. Но позитивистский подход, указывает Хаггет, не позволяет найти «исходные причины и глубинную природу явлений». Вот почему «в текущем десятилетии вновь пробуждается интерес к феноменологическому подходу». Но географы не должны, предупреждает Хаггет, руководствоваться «чисто» позитивистским или «чисто» феноменологическим подходом. «Позиция большинства географов находится где-то между этими двумя крайними воззрениями; подходя к систематическому изучению науки в целом... они склонны придавать большее значение позитивистским воззрениям, а, изучая порайонные особенности — приближаться к феноменологической точке зрения»¹⁸.

Вся несостоятельность и непримиримость таких философских течений с прогрессом естествознания показана В. И. Лениным. В «Наброске плана научно-технических работ» он сформулировал методы, на основе которых необходимо осуществлять проведение природоохранных мероприятий. Среди этих методов ведущими являются: научность, комплексность, планомерность. В организации научного природопользования В. И. Ленин отводил большую роль естественным наукам. С их развитием Владимир Ильич связывал успехи в поисках научных методов управления природными процессами, а также в открытии новых источников сырья. В решении этих задач он видел и гуманистическое содержание естественных наук.

В современных экологических концепциях западных ученых много внимания уделяется человеку и его отношению к природе. При этом они, игнорируя социальные аспекты взаимоотношения человека и природы, представляют эти взаимоотношения в виде простых, естественных связей, аналогичных взаимоотношениям между другими видами «биологических сообществ». На таких исходных механистических основах возрождаются мальтузианские установки (Ю. Одум, Ф. Дрэ и др.) решения экологических проблем. Для некоторых исследователей оптимизация взаимоотношений общества и природы видится в минимальном потреблении человеком энергии природы. Для соблюдения этого принципа, как они полагают, необходимо ограничить свободу личности в ее деятельности, отказаться от международного сотрудничества и помощи слаборазвитым странам, возродить низкоэнергетические методы ведения сельского хозяйства и т. п. Эта концепция, развиваемая под флагом заботы о будущем человечества, оказывается антигуманной. Крайне реакционно звучит призыв этих «гуманистов» к использованию болезней и войн для уменьшения численности населения планеты и достижения равновесия общества и природы. По их заявлению, «болезни и малые войны могли бы служить целям приспособления населения к наличным ресурсам, позволяя избежать больших зол»¹⁹.

Эти естествоиспытатели привлекают биологическую и физико-химическую терминологию при анализе путей выхода из экологического кризиса для оправдания такого порока капитализма, как хищническое использование природной среды. «Основное свойство капиталистического хозяйства, — писал В. И. Ленин, — его неспособность заботиться о научно-правильной эксплуатации как земли, так и рабочей силы»²⁰. Эту неспособность капитализма его защитники и пытаются прикрыть «претенциозно-пустой энергетической и биологической словесностью», которая искажает марксизм и исторический материализм²¹.

Такое искажение проявляется прежде всего в забвении гуманистиче-

ского содержания естествознания и марксистско-ленинской концепции взаимодействия общества и природы. В условиях, когда экологические проблемы стали ареной острой идейно-политической борьбы, когда зримо раскрываются преимущества реального социализма перед капитализмом в решении глобальных проблем, ленинские мысли, научно обоснованные им принципы природопользования — мощное идейное оружие в борьбе с современной буржуазной идеологией, метод практической организации охраны окружающей среды. Этот метод нашел свое воплощение в декретах и правительственных постановлениях, принятых за годы существования СССР, в принципах рационального природопользования, обоснованных XXV съездом КПСС.

В наши дни особую актуальность приобретают ленинские мысли о мировоззренческом содержании естественных наук. В. И. Ленин отмечал, что «естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу»²²; из таких теорий он называл дарвинизм, естественнонаучные воззрения биолога Э. Геккеля, физика Л. Больцмана, химика У. Рамсэя и других естествоиспытателей. В. И. Ленин показал, что естественные науки, давая обоснование объективного бытия природы и человека, служат основой для разработки общего научного мировоззрения. Этим самым естествознание играет важную роль в формировании мировоззрения.

Философское осмысление, мировоззренческая интерпретация новейших достижений естественных наук, как показал В. И. Ленин, является и объектом ожесточенной идеологической борьбы. Эта борьба имеет свои особенности в политике, идеологии, искусстве, философии и естествознании, но всюду она отражает столкновение различных классов. Мировоззренческие вопросы естественных наук также неразрывно связаны с интересами определенных классов. Все это необходимо учитывать при обобщении теоретических выводов естественных наук, их философском обосновании, а также в процессе их преподавания. Раскрытие мировоззренческого содержания, места и роли естественных наук в создании материально-технической базы коммунизма — важнейшее требование наших дней. Оно непосредственно вытекает из ленинских оценок естественных наук. К этому обязывают и постановления партии и правительства о развитии высшей школы и подготовки высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства. Выявление мировоззренческих аспектов естественных наук, их партийная оценка — задача советских исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 41.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 266.
3. Там же, с. 326.
4. Там же, с. 290.
5. Вагнер А. Новый курс в биологии. — СПб, 1911, с. 46.
6. Пирсон К. Грамматика науки. — СПб, б. г. изд., с. 391, 392.
7. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 191, 287.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 141.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 354.
10. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 331, 332.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 31.
12. Рьюз М. Философия биологии. — М., 1977, с. 290.
13. Мора П. Несостоятельность вероятностного подхода. — В кн.: Происхождение предбиологических систем. — М., 1966, с. 59, 60, 61.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 40.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 354.
16. Барбье М. Введение в химическую экологию. — М., 1978, с. 160.
17. Там же, с. 164.
18. Хаггет П. География: синтез современных знаний. — М., 1979, с. 671.
19. Одум Г., Одум Э. Энергетический базис человека и природы. — М., 1978, с. 213.
20. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 173.
21. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 350.
22. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 17.